СУББОТА

№ 140

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

25 МАЯ
6 іюня

1868

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ *С. Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго коммиссіонера *Русскаго Инвалида, Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сына Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (быш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

ГОДЪ

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка, на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

55-й.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Рекламы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

твердымъ и справедливымъ образомъ дѣйствій и энергіею можетъ наше правительство внушить своимъ среднеазіятскимъ подданнымъ, что она достаточно сильна для того, чтобы охранить ихъ отъ всякихъ непріязненныхъ покушеній. Только этотъ образъ дѣйствій можетъ внушить населенію полную увѣренность въ его безопасности подъ русскимъ скипетромъ. Результаты нашихъ дѣйствій уже оказались теперь. Подвластное намъ народонаселеніе не только не высказываетъ неудовольствія на принимаемыя правительствомъ мѣры, но, напротивъ, оцѣниваетъ ихъ по достоинству, и можно быть увѣреннымъ, что каковы бы ни были наши отношенія къ бухарскому правительству, оно не найдетъ себѣ соумышленниковъ въ подвластномъ намъ населеніи, которое уже пользуется плодами правильной администраціи.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ еще весною намѣревался выѣхать въ Петербургъ, для внесенія на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыхъ частей проекта положенія и для испрошенія разрѣшенія по многимъ другимъ вопросамъ. Но дѣла съ Бухарою приняли такое положеніе, что отъѣздъ этотъ необходимо было отложить.

Извѣстно, что мирныя условія посланы были изъ Оренбурга еще въ сентябрѣ прошлаго года, съ посланцемъ эмира, Мирахуромъ Муссабекомъ. Съ этими условіями, подписанными генераломъ Крыжановскимъ, отправлено было также письмо отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, въ которомъ, послѣдній, извѣщая о своемъ назначеніи и о Высочайше дарованномъ ему полномочіи на веденіе пограничныхъ дѣлъ съ сосѣдними владѣніями, просилъ эмира о высылкѣ въ Ташкентъ утвержденныхъ условій мира ко времени своего туда пріѣзда.

Генералъ Кауфманъ пріѣхалъ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ 7-го ноября, но не засталъ здѣсь посланца отъ эмира. Вмѣстѣ того получены были свѣдѣнія, что граница Джизакскаго уѣзда наводнена шайками разбойниковъ, высылаемыхъ изъ бухарскихъ предѣловъ Нуратинскимъ и Челекскимъ беками. Одна изъ этихъ шаекъ успѣла даже захватить, по пути изъ Чиназа къ Джизаку, артиллерійскаго офицера, Служенку, съ тремя солдатами. Въ Бухарѣ Служенко заставляли принять магометанство и обучать войска эмира.

Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ генерала Кауфмана въ Ташкентъ, явился, наконецъ, бухарскій посланецъ, тотъ же Мирахуръ Муссабекъ, съ письмомъ отъ эмира. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорилось: «Посланныя условія съ повѣреннымъ Мирахуромъ Муссабекомъ получены. Предложенія, ему высказанныя, мнѣ доставлены. Всѣ эти предложенія соотвѣтствуютъ дружбѣ. Посылаю вышесказаннаго (Муссабека) съ надеждою, что онъ доставитъ отвѣтъ, равно посылаю и условія. Два государства, слившись въ одно цѣлое, доставятъ всѣмъ спокойствіе». Хотя въ письмѣ эмира и говорилось, что при немъ посылаются условія мира, въ дѣйствительности же они посланы не были.

Мирахуръ Муссабекъ былъ принятъ генералъ-губернаторомъ чрезвычайно ласково. Не смотря на то, по началу же переговоровъ можно было догадываться, что бухарскій эмиръ и его посланецъ желаютъ заключенія мира не въ такой степени чистосердечно, какъ бы этого требовали выгоды бухарскаго ханства. Съ перваго же раза посланецъ эмира сталъ лицемѣрить и затягивать переговоры, будто съ намѣреніемъ, такъ что нужно было вооружиться большимъ терпѣніемъ и твиъ твердымъ желаніемъ мира, которымъ былъ проникнутъ генералъ губернаторъ, чтобы продолжать договариваться при посредствѣ такой личности, какъ Муссабекъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ Муссабека, туркестанскій генералъ-губернаторъ поручилъ ему просить эмира, согласно тому, что говорилось въ письмѣ его, выслать утвержденныя условія мира. Муссабекъ обѣщалъ, что эти условія будутъ немедленно подписаны; но проходили недѣли, пріѣзжали курьеры изъ Бухары, а условія не являлись. Между тѣмъ оффиціозные грабежи по границамъ Джизакскаго уѣзда продолжались.

19-го декабря генералъ Кауфманъ написалъ эмиру весьма любезное письмо, въ которомъ просилъ ратификовать мирныя условія и выслать Служенку съ тремя солдатами. На это эмиръ отвѣтилъ крайне темнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Посланное письмо получено въ хорошій часъ. Смыслъ написаннаго понятъ. Въ посланномъ письмѣ сказано, что къ условію нужно приложить печать. Условіе неизвѣстно. Это условіе, съ приложеніемъ печати, должно прибыть со стороны русскихъ и остаться въ благородной Бухарѣ».

Если сблизить первое письмо эмира, гдѣ онъ говоритъ о высылкѣ условій въ Ташкентъ, со вторымъ, въ которомъ пояснено, что условія должны остаться въ Бухарѣ, то замѣтно будетъ, по крайней мѣрѣ, противорѣчіе.

Муссабекъ старался обнаружить большое недоумѣніе и совершенное непониманіе, о чемъ идетъ рѣчь, когда генералъ-губернаторъ сталъ настаивать на присылкѣ условій мира, скрѣпленныхъ печатью эмира. Когда же ему было систематически объяснено, почему одинъ экземпляръ условій, скрѣпленныхъ печатью эмира, долженъ быть высланъ въ Ташкентъ, Муссабекъ выразилъ большую радость, смыслъ которой былъ такой: это совершенно легко сдѣлать. Если бы мы понимали въ чемъ дѣло, то условія были бы давно здѣсь. Затѣмъ Муссабекъ обѣщалъ сейчасъ же извѣстить обо всемъ эмира. Курьеры продолжали, по-прежнему, ѣздить отъ эмира къ Муссабеку и обратно, но условія не являлись.

Между тѣмъ письмомъ, полученнымъ изъ Бухары 2-го марта, Кушбеги извѣстилъ генералъ-губернатора, что эмиръ отпустилъ Служенку и бывшихъ съ нимъ трехъ солдатъ. Изъ показаній, отобранныхъ отъ Служенко, по прибытіи его въ Ташкентъ, оказалось, что Муссабекъ, наканунѣ отъѣзда своего изъ Бухары, нѣсколько разъ видѣлъ Служенку, спрашивалъ его о томъ, можно ли найдти въ Ташкентѣ книги, которыя служили бы руководствомъ для устройства артиллеріи и обученія артиллеристовъ и о другихъ, далеко не мирныхъ предметахъ. Замѣчательно, что генералъ-губернаторъ, еще до прибытія Служенки, спрашивалъ Муссабека, видѣлъ ли онъ его въ Бухарѣ, и получилъ отрицательный отвѣтъ. Вообще въ поведеніи Муссабека не было и тѣни той искренности или опредѣлительности, которыми характеризуется поведеніе политическаго агента, когда онъ хочетъ достигнуть того же, чего желаетъ другая договаривающаяся сторона. И онъ дѣйствовалъ такъ, вѣроятно, по внушеніямъ эмира. Дѣйствительно, если бы Музаффаръ хотѣлъ заключить миръ, но желалъ бы облегчить оренбургскія условія, которыя могли казаться ему обременительными, то несомнѣнно, что Муссабекъ, долженствовавшій оцѣнить надлежащимъ образомъ стремленія туркестанскаго генералъ-губернатора къ обезпеченію мира, — выразилъ бы въ категорической формѣ желанія эмира. Но бухарскій посланецъ велъ себя иначе. Онъ не выражалъ никакихъ желаній и соглашался со всѣмъ, что ему ни говорили, но сквозь его слова просвѣчивало то пассивное противодѣйствіе, которое никакъ не могло облегчить сближеніе Бухары съ Россіею. Не смотря на свободу сношеній со всѣми, Муссабекъ поддерживалъ какую-то секретную переписку, выбирая для посылки своихъ людей темныя ночи. Все это характеризовало сокровенныя мысли Муссабека, но не измѣняло твердаго намѣренія генерала Кауфмана уладить дѣла съ Бухарою мирнымъ путемъ. Съ одинаковымъ дружелюбіемъ продолжалъ онъ относиться къ посланцу эмира, приглашалъ его къ себѣ на обѣды и вечера, былъ съ нимъ постоянно любезенъ, чѣмъ заставлялъ всѣхъ показывать Муссабеку какъ можно болѣе вниманія. Когда истощились всѣ уловки Муссабека, генералъ-губернаторъ предложилъ ему лично отправиться въ Бухару и объяснить эмиру, что для заключенія мира необходимо подписать условія. Въ письмѣ, написанномъ съ Муссабекомъ, генералъ Кауфманъ, ставъ на ту точку зрѣнія, что Музаффаръ незнакомъ съ пріемами европейскаго международнаго права, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Посылаю съ Мирахуромъ Муссабекомъ двѣ копіи съ трактата, препровожденнаго вамъ изъ Оренбурга, объ скрѣпленныя моею подписью и печатью. Если дѣйствительно ваше высокостепенство искренно желаете жить въ дружбѣ и согласіи съ нами, то возвратите мнѣ немедленно одну изъ этихъ копій, приложивъ къ ней, въ знакъ утвержденія, свою печать. Другая копія, мною же утвержденная, останется у васъ, для руководства вашего и успокоенія народа, который тогда, не опасаясь разорительной и пагубной войны, займется мирными дѣлами и выгодною для него торговлею.

«Съ того дня, какъ получится отъ васъ удовлетворительный отвѣтъ, т. е. когда ваше высокостепенство возвратите одну изъ копій, утвержденную вашею эмирскою печатью, миръ между Бухарою и Россіею будетъ считаться заключеннымъ и утвержденнымъ, и я возьму на себя строгое исполненіе выраженныхъ въ трактатѣ условій.»

Далѣе въ письмѣ говорилось, что, въ случаѣ непринятія эмиромъ мирныхъ условій, генералъ-адъютантъ Кауфманъ будетъ считать себя несвязаннымъ никакими обязательствами и станетъ дѣйствовать согласно съ выгодами ввѣреннаго ему края.

Муссабекъ, отправляясь въ Бухару, завѣрялъ генералъ-губернатора, что неприсылка условій есть дѣло простаго недоразумѣнія, и что, въ самомъ скоромъ времени, онъ непремѣнно привезетъ ратифицированный трактатъ.

Вскорѣ по отправленіи этого письма, съ нашей юго-западной границы получились свѣдѣнія о повсемѣстномъ появленіи шаекъ, грабившихъ русскихъ подданныхъ. Генералъ-губернаторъ, рѣшившись прекратить эти разбои, отправилъ на передовую линію пять сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Штрандмана. Чтобы не встревожить этимъ бухарцевъ, генералъ Кауфманъ извѣстилъ эмира письмомъ, отъ 14-го марта, объ усиленіи войскъ на передовой линіи, вызванномъ необходимостію обезпечить нашихъ

подданныхъ отъ нападенія разбойническихъ шаекъ. Въ томъ же письмѣ говорилось, что русскій отрядъ пойдетъ по сѣверному склону Нуратынъ-Тау (для выбора пункта подъ новопроектированное укрѣпленіе), т. е. согласно предложеннымъ эмиру условій, въ предѣлахъ русской территоріи. Отрядъ, подъ начальствомъ маіора Гриппенберга, дѣйствительно былъ посланъ обрекогносцировать сѣверную покатость Нуратынъ-Тау и выбрать пунктъ подъ укрѣпленіе, но у ауала Ухума ему заградили войска ката-курганскаго и челекскаго бековъ. Гриппенбергъ разбилъ ихъ, но, исполняя приказанія генералъ-губернатора, не переступилъ границу и не преслѣдовалъ бухарскія войска по южному склону Нуратынъ-Тау. Получивъ донесеніе о дѣлѣ подъ Ухумомъ, генералъ-губернаторъ извѣстилъ объ этомъ эмира, напомнивъ ему, что стычка произошла въ нашихъ предѣлахъ, слѣдовательно, съ нашей стороны есть актъ обороны, а не наступленія. Къ этому онъ присовокупилъ, что все-таки ожидаетъ присылки утвержденныхъ условій мира.

24-го марта прибылъ въ Ташкентъ мираб Шамеиддинъ, близкій человѣкъ бухарскаго кушбеги, за разъясненіемъ нѣкоторыхъ статей въ условіяхъ.

Согласно этимъ условіямъ, граница съ бухарскимъ ханствомъ проектировалась по хребту Кашгаръ-Даванъ и его продолженіямъ, до прохода Джилямъ-Уты; по всей длинѣ этого прохода, до его выхода у Яны-Кургана, по горамъ Нуратынъ-Тау и по Баканъ-Тау.

Мираб Шамеиддинъ пріѣхалъ отъ эмира за разъясненіемъ вопроса о томъ, по какимъ именно пунктамъ горъ должна будетъ пойти проектированная граница. Ему отвѣтили, что граница должна совпадать съ водораздѣльною линіею.

Съ мирзою Шамеиддиномъ эмиръ былъ поставленъ въ извѣстность, что генералъ-губернаторъ рѣшился уѣхать въ Петербургъ 9-го апрѣля, и что до этого числа остается еще 16 дней — время совершенно достаточное на возвращеніе мираб Шамеиддина въ Бухару и присылку въ Ташкентъ утвержденныхъ условій мира. Мираб Шамеиддинъ успѣлъ снова возбудить надежды на мирное окончаніе дѣлъ съ Бухарою. Онъ говорилъ, что причиною недоразумѣній до сихъ поръ была тупость Муссабека. «Я» — сказалъ онъ—«говорилъ эмиру, что это дувана (полуумный), а не посолъ». Затѣмъ слѣдовали весьма правдоподобныя увѣренія, что, по устраненіи Муссабека, дѣла пойдутъ хорошо. Вмѣсто того, положеніе дѣлъ къ 9-му апрѣля приняло такой оборотъ, что генералъ-губернаторъ принужденъ былъ отложить на неопредѣленное время свой отъѣздъ въ Петербургъ.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить наши настоящія отношенія къ эмиру и народу бухарскому, необходимо описать послѣднія событія въ Бухарѣ.

Военныя неудачи бухарцевъ въ теченіе 1865 и 1866 годовъ подорвали авторитетъ эмира и породили въ народѣ неуваженіе къ личности Музаффара. Беки дальныхъ областей, трепетавшіе передъ предшественникомъ настоящаго эмира, Насср-Уллой, пользуясь отсутствіемъ правительственныхъ способностей у Музаффара и его неудачами въ войнахъ противъ русскихъ, стали считать себя вассальными владѣтелями подчиненныхъ имъ странъ. Особенно смѣло держитъ себя въ послѣднее время шахрисябскій бекъ, Джарабекъ, который, опираясь на давнишнюю антипатію подчиненнаго ему населенія къ бухарскому владычеству, сталъ открыто ослушиваться приказаній Музаффара. Теперь въ Шахрисябзѣ находятъ пріютъ и защиту всѣ недовольные эмиромъ, или преслѣдуемые имъ. Годъ тому назадъ туда убѣжалъ племянникъ эмира; недавно туда же ушли вліятельные люди китай-кипчаковъ. Эмиръ требовалъ выдачи бѣглыхъ, но Джарабекъ, не обращая вниманія на угрозы Музаффара и не соблазняясь его ласками, отказался исполнять приказанія, получаемыя имъ изъ Бухары. Истощивъ всѣ средства къ подчиненію Джарабека, эмиръ прослалъ его пріѣхать въ Бухару, для совѣщаній по вопросу, будто бы объ общей войнѣ съ Россіею, и получилъ въ отвѣтъ, что самъ Джарабекъ не пріѣдетъ, а если всѣ мусульмане поднимутся противъ Россіи, то Шахрисябзъ не будетъ послѣднимъ въ войнѣ за вѣру.

Почти въ такомъ же отношеніи находятся къ эмиру китай-кипчаки, полукочевое узбекское племя, разсѣянное по долинѣ рѣки Заравшана отъ Самарканда до Кермене. Разрывъ между китай-кипчаками и эмиромъ произошелъ послѣ иджанскаго дѣла, когда многіе ихъ старшины были казнены за сношенія, будто бы, съ русскими. Затѣмъ эмиромъ недовольны и другіе его подданные за неурядицу въ управленіи, чрезвычайно обременительные денежные поборы и за неопредѣленность отношеній съ нами.

Борьба съ Россіею и трехлѣтнія невыясненныя къ намъ отношенія требовали со стороны эмира содержанія войскъ въ усиленномъ составѣ, т. е. весьма большихъ расходовъ; между тѣмъ неудачи его съ русскими истощили казну Музаффара, а одна изъ главнѣйшихъ статей бухарскихъ доходовъ—*закетъ*—стала уменьшаться со времени усиленнаго подвоза русскихъ товаровъ въ Ташкентъ. Это принудило эмира, въ теченіе послѣдней зимы, сдѣлать два раза чрезвычайно тяжелый сборъ съ купечества въ размѣрѣ, произвольно опредѣленномъ для каждаго купца особенно. Лица, на которыхъ пали эти поборы, не могли громко протестовать, потому что предлогъ для сбора, въ мусульманскомъ смыслѣ, былъ законный: защита страны отъ невѣрныхъ. Впрочемъ и эти сборы не удовлетворили потребностей Бухары, такъ что эмиръ готовился произвести третій подобный же поборъ, но Якубъ-бекъ-Каттакурганскій и Ирале, бывшій бекъ Самаркандскій, уговорили его отказаться отъ этой мѣры. Они посовѣтовали ему, для пополненія казны, объявить теньгу, которая прежде стояла въ 64 чеки, въ 132 чеки, скупивши предварительно на рынкахъ и въ караванъ-сараяхъ возможно большее количество чекъ. Вскорѣ дѣйствительно было объявлено, что теньга будетъ приниматься въ уплату податей по курсу 132 чекъ, но такъ какъ они не показывались въ обращеніи, то теньга поднялась сперва на 150 чекъ, а потомъ на 200. Когда старыя теньги почти исчезли, Музаффаръ выпустилъ новоотчеканенныя теньги, съ обязательнымъ курсомъ въ 32 чеки каждая. Хотя подобныя произвольныя повышенія и пониженія курса и дали эмиру большой доходъ, но они вызвали ропотъ и негодованіе во всѣхъ классахъ народа. Къ довершенію всего, эмиръ обратилъ въ казну доходы, получаемые муллами, преподающими науки въ медрессе, иначе—вооружилъ противъ себя все духовенство. Рядомъ съ вздорожаніемъ всего, распространялось недовѣріе къ эмиру; торговля падала; низкія цѣны на хлопокъ, державшіяся всю прошлую зиму, еще болѣе потрясли бухарскіе капиталы, а между тѣмъ беки грабили народъ все подъ тѣмъ же предлогомъ—необходимости оборонить страну отъ русскихъ. Когда недовольство стало общимъ, вспомнили, что эмиръ подалъ примѣръ побѣга изъ-подъ Ирджара послѣ первыхъ русскихъ выстрѣловъ и стали обвинять его въ равнодушіи къ положенію мусульманства—обвиненіе очень тяжелое въ странѣ ханжей и фанатиковъ. Попавши на тему, которая всегда выгодна мусульманскому духовенству, улемы подняли голосъ и стали требовать борьбы съ русскими на смерть, доказывая народу, что Богъ не выдастъ мусульманъ пришлымъ кяфирамъ. Остальная часть народа, тоже не особенно расположенная къ русскимъ, но менѣе ослѣпленная фанатизмомъ, начала требовать войны рѣшительной, либо прочнаго мира, лишь бы миновалась неопредѣленность въ отношеніяхъ съ русскими.

Но вести войну съ русскими было для эмира также тяжело, какъ и заключить точно опредѣленный миръ. Въ первомъ случаѣ онъ могъ потерять все, даже самую жизнь, которая стала бы тогда игралищемъ въ рукахъ фанатической толпы. Что касается до мира, то наслѣдникъ Тамерлана былъ бы, вѣроятно, не прочь отъ его заключенія, но такимъ образомъ, чтобы какъ-нибудь удержать свое первенствующее положеніе въ Средней Азіи. Ему, хранителю вѣры, казалось невозможнымъ сознаться передъ мусульманскимъ міромъ въ торжествѣ гяуровъ, которое онъ долженъ былъ закрѣпить своею печатью. Подписать такой миръ, значило для него дать постоянный и вѣрный предлогъ къ опаснымъ нападеніямъ со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ своихъ враговъ. Если, какъ владѣтельному лицу, ему, можетъ быть, и была понятна необходимость для Бухары прочнаго мира, то, какъ главѣ среднеазіатскаго духовенства, ему было трудно своею собственною рукою подписать отреченіе отъ нравственнаго преобладанія его государства надъ сосѣдними странами. Оттого онъ колебался, искалъ опоры со всѣхъ сторонъ; оттого онъ, вѣроятно, предлагалъ миръ генералаиъ Черняеву и Романовскому, а потомъ отступался отъ своихъ предложеній; оттого онъ колеблется и до сихъ поръ сдѣлать тотъ или другой рѣшительный шагъ.

Такъ какъ усиленные сборы производились эмиромъ подъ предлогомъ войны съ русскими, то борьба съ нами стала для него какъ бы обязательною и подписаніе мирныхъ условій было очень затруднено положеніемъ, въ которое поставилъ себя Музаффаръ. Это же фальшивое положеніе дѣлало и войну съ нами опасною для эмира, потому что успѣхъ противъ русскихъ становился какъ бы обязательнымъ, по соразмѣрности съ жертвами, принесенными бухарцами.

Разсчитывая на такія обстоятельства и имѣя въ виду абсолютную власть эмира въ Бухарѣ, казалось, что самый разумный способъ дѣйствія заключался въ терпѣніи и выдержкѣ, какъ въ единственныхъ надежныхъ средствахъ достигнуть не торопясь того, чего нельзя было сдѣлать въ короткое время. Судя по фактамъ, можно видѣть, что такъ и дѣйствовалъ туркестанскій генералъ-губернаторъ. Понимая трудное положеніе эмира, онъ хотѣлъ игнорировать его двоедушное поведеніе относительно Россіи, равно какъ и нападеніе шаекъ, посылаемыхъ къ нашимъ границамъ чиновниками Музаффара. Требовать категорическаго и быстраго отвѣта на мирныя предложенія, — значило заставить эмира очерти голову кинуться на русскихъ; видѣть въ разбойническихъ нападеніяхъ на нашу границу руку эмира—значило поставить себя въ необходимость идти немедленно на Самаркандъ. Оставаться спокойнымъ въ виду всѣхъ бухарскихъ махинацій — значило доказывать всей Средней Азіи наше малодушіе; значило отнимать у эмира обаяніе слабаго, защищающагося противъ нападеній сильнаго врага и, въ тоже время, давать ему возможность выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія.

Генералъ-губернаторъ предполагалъ выѣхать въ Петербургъ даже въ томъ случаѣ, если бы утвержденныя условія мира не были присланы изъ Бухары къ 9-му апрѣля. Очевидно, онъ хотѣлъ продолжать держаться системы выжиданія. Генералу же, который бы оставался въ качествѣ командующаго войсками округа, предполагалось дать инструкцію, согласно которой наши войска должны были держаться на границѣ въ оборонительномъ положеніи. Войскамъ разрѣшалось переходить границу въ томъ только случаѣ, если бы вблизи ея собралась большая масса непріятеля, принявшаго угрожающее противъ насъ положеніе. По сообщеніямъ всѣхъ сторонъ дѣла, кажется, что такой способъ былъ единственнымъ средствомъ предотвратить войну съ Бухарою, и если бы эмиръ Музаффаръ обладалъ хотя нѣкоторою способностію сдерживать народныя страсти, то время заставило бы его заключить прочный миръ съ Россіею.

Уже всѣ приготовленія къ отъѣзду генералъ-губернатора въ Петербургъ были окончены, когда 8-го апрѣля съ разныхъ сторонъ стали получаться такія свѣдѣнія, что нельзя было оставаться спокойнымъ въ виду послѣднихъ происшествій въ Бухарѣ.

Эмиръ, связанный желаніемъ духовенства воевать съ Россіею, откладывалъ начало войны отъ одного праздника до другаго. Улемы думали,

что Курбанъ-Байрамъ, когда мусульмане, по примѣру Авраама, въ доказательство своей вѣры, готовы принести всякую жертву,— будетъ сигналомъ войны съ русскими; когда же этого не случилось, то бухарское духовенство объявило себя открыто противъ эмира. Подъ конецъ Курбанъ-Байрама, эмиръ отправился на богомолье къ могилѣ Богуеддина, находящейся въ одномъ тамѣ (въ 8-ми верстахъ) отъ Бухары. Пользуясь его отсутствіемъ, улемы составили ривоядъ (*), на основаніи котораго всякій, кто не хочетъ измѣнить мусульманству, обязанъ взяться за оружіе, чтобы освободить правовѣрныхъ отъ владычества русскихъ. Ривоядъ былъ покрытъ печатями всѣхъ улемовъ, и духовенство стало возбуждать народъ противъ эмира, предлагая свергнуть его и возвести либо его сына, живущаго въ Бухарѣ, либо племянника, бѣжавшаго въ Шахрисябзъ. Кушбеги далъ знать эмиру о грозящей ему опасности и совѣтовалъ не ворочаться въ Бухару. Вѣроятно съ цѣлію удостовѣриться въ томъ, Музаффаръ, отъ могилы Богуеддина, поѣхалъ къ Бухарѣ, но на пути былъ встрѣченъ огромною толпою, которая осыпала его упреками, обвиняла въ нерадѣніи къ мусульманству и въ томъ, что деньги, собранныя противъ русскихъ, употреблены не по назначенію. Эмиръ, со свитою въ нѣсколько человѣкъ, повернулъ тогда на городъ Гижъ-Дуванъ. По пути слѣдованія эмира, народъ разбѣгался изъ селеній и на каждомъ ночлегѣ въ комнату, имъ занимаемую, подбрасывали записки, въ которыхъ говорилось, что онъ будетъ убитъ, если не приметъ мѣръ къ изгнанію русскихъ изъ Средней Азіи. Одинъ очевидецъ разсказывалъ, что эмиръ, пріѣхавши въ Гижъ-Дуванъ, весьма значительный торговый пунктъ, былъ встрѣченъ только нѣсколькими людьми; улицы же этого селенія, базаръ и лавки были совершенно пусты. Изъ Гижъ-Дувана эмиръ направился на Бостанъ и Кермене и отсюда провозгласилъ газатъ (священную войну) противъ русскихъ, съ цѣлію освободить всѣхъ правовѣрныхъ.

Такимъ образомъ духовенство, возбужденное слѣпымъ фанатизмомъ, успѣло довести дѣло до конца, благодаря бездарности Музаффара. Если купечество не рѣшительно протестуетъ противъ войны съ нами, то это, кажется, потому, что считаетъ лучшимъ средствомъ погубить ненавистнаго эмира, пославши его подъ русскія пули. Если онъ тамъ не будетъ убитъ, то тогда легко будетъ свергнуть Музаффара, опираясь на неспособность его защитить мусульманство.

По пути въ Кермене, эмиръ получилъ свѣдѣніе о движеніи Гриппенберга по сѣверному склону Нуратынъ-Тау и о разбитіи бухарскихъ войскъ. Дѣло Гриппенберга, можетъ быть, способствовало новому удару, обрушившемуся на эмира. Отрядъ авганцевъ, служившихъ эмиру уже четыре года, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ эмира начать войну, получилъ приказаніе идти изъ Бухары къ Нуратѣ. Этотъ отрядъ, вслѣдствіе неаккуратной уплаты жалованья, притѣсненій всякаго рода и въ особенности продолжительнаго ареста, въ которомъ содержались многіе ихъ начальники,—былъ озлобленъ на бухарцевъ. Приблизившись къ русской границѣ, авганцы бросились на войска Нуратинскаго бека, разбили ихъ, отняли 2 орудія и 12-го апрѣля, въ составѣ 284 человѣкъ, перешли въ Джюзакскій уѣздъ, близъ селенія Яны-Кшилакъ. Начальникъ авганцевъ, Искандеръ-ханъ, сынъ Магометъ Азимъ-хана и внукъ, по матери, Достъ-Магомеда, договаривавшійся отъ имени своихъ товарищей о пропускѣ въ наши предѣлы, передалъ черезъ посланца, что тяжелое положеніе, въ которомъ авганцы находились въ Бухарѣ, заставляетъ ихъ искать убѣжища подъ защитою всесильнаго и милостиваго Бѣлаго Царя. Изъ числа перешедшихъ къ намъ авганцамъ, 140 человѣкъ прибыли уже въ Ташкентъ, а остальные, подъ начальствомъ Искандеръ-Хана, выразили желаніе дѣйствовать противъ бухарцевъ, если бы началась съ ними война, почему и оставлены на передовой линіи.

Единовременно съ переходомъ авганцевъ, бухарское духовенство стало стекаться со всѣхъ сторонъ къ Самарканду, для борьбы съ русскими. Лазутчики утверждаютъ, будто ихъ собралось близъ этого города около 20,000. Сарбазы, полурегулярныя войска эмира, сосредоточены, кажется, въ Самаркандѣ. Такимъ образомъ около этого пункта собралась весьма значительная масса людей, желающихъ встрѣчи съ нами.

Музаффаръ призывалъ также къ участію въ борьбѣ противъ русскихъ хивинскаго и кокантскаго хановъ. Первый, кажется, не соглашается воевать съ Россіею, а Худояръ-ханъ, котораго поведеніе, въ послѣднее время, отличается большимъ тактомъ, обѣщаетъ эмиру помощь въ томъ случаѣ, если онъ возьметъ Джюзакъ и разобьетъ русскихъ въ чистомъ полѣ.

Наканунѣ своего отъѣзда на передовую линію, туркестанскій генералъ-губернаторъ писалъ къ Худояръ-хану, что онъ откладываетъ свою поѣздку въ Петербургъ, и что можетъ быть, передъ отъѣздомъ, ему придется наказать нарушителей мира и спокойствія. Это письмо вручено, для передачи Худояръ-хану, Мирзѣ Хакиму, умному кокантскому купцу, жившему въ Ташкентѣ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ хана, и черезъ посредство котораго велись переговоры о безпошлинномъ транзитѣ для нашихъ каравановъ черезъ Кокантскія владѣнія въ Кашгаръ, и для кокантскихъ—черезъ русскую территорію въ Бухару.

Предложивши Мирзѣ Хакиму отвезти письмо къ Худояръ-хану, генералъ-губернаторъ имѣлъ вѣроятно въ виду, кромѣ желанія извѣстить хана, что онъ не поѣдетъ въ Петербургъ, еще другую цѣль.

По полученнымъ въ Ташкентѣ свѣдѣніямъ, въ средѣ кокантскаго населенія существуетъ также фанатическое возбужденіе противъ русскихъ, хотя можетъ быть въ меньшей степени, чѣмъ въ Бухарѣ. Самый дворъ хана раздѣляется на двѣ партіи, изъ которой одна враждебна Россіи. Фактическая глава партіи, желающей съ нами мира, есть Мирза Хакимъ, человѣкъ, имѣющій большое вліяніе на Худояръ-хана. Такимъ образомъ, присутствіе Мирзы Хакима при ханѣ, въ пору броженія умовъ, совершенно необходимо.

Вѣроятно, чтобы избавиться отъ вліянія духовенства, которое въ Коканѣ, какъ и въ большей части Средней Азіи, враждебно Россіи, Худояръ-ханъ въ настоящее время предпринялъ со всѣмъ дворомъ увеселительную поѣздку въ горы, лежащія къ югу отъ Намангана. О положеніи дѣлъ въ Коканѣ получаются частыя и вѣрныя свѣдѣнія.

Провозгласивши газатъ, бухарскій эмиръ просилъ, говорятъ, помощи у одного изъ претендентовъ на авганскій престолъ. Лазутчики прибавляютъ, что авганцы будто бы обѣщались прислать въ помощь значительный отрядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что лучше бы было, если бы эмиръ позволилъ пройдти авганистанскимъ войскамъ черезъ его владѣнія, чтобы они могли начать самостоятельную войну съ русскими. Эмиру, однако, это предложеніе показалось на столько подозрительнымъ, что онъ, будто бы, отказался даже отъ помощи, предлагаемой авганцами.

Гораздо больше безпокойства возбуждаетъ владѣтель Алтышара, Якубъ-бекъ, тѣмъ положеніемъ, которое онъ, въ послѣднее время, принялъ относительно Россіи. Уже съ давнихъ поръ ходили слухи о сношеніяхъ, которыя поддерживаются между ними и бухарскимъ эмиромъ. Въ тоже время было извѣстно, что Якубъ-бекъ, бывшій подданный Худояръ-хана, не только не хочетъ платить подати, которую вносили кокандскому хану китайцы за владѣніе Алтышаромъ, но грозится выгнать Худояра и занять все ханство.

Въ началѣ этого года изъ Ташкента отправились въ Алтышаръ два русскихъ каравана: одинъ, принадлежащій горбатовскому 1-й гильдіи купцу Ивану Первушину, направился на Коканъ, Ушъ, Кашгаръ Даванскій перевалъ и Кашгаръ; другой пошелъ восточнымъ берегомъ Иссыкъ-Куля, черезъ Заукинскій проходъ, къ гор. Аксу, съ тѣмъ, чтобы пойти далѣе тоже на Кашгаръ.

По приходѣ въ Кашгаръ каравана Первушина, весь товаръ былъ цѣликомъ скупленъ самимъ Якубъ-бекомъ за ямбы (слитки серебра, въ $4^1/_2$ фунта каждый), съ разсчетомъ по 125 р. на ямбу, тогда какъ она ходитъ въ Ташкентѣ отъ 112—120 руб. Затѣмъ Якубъ-бекъ передалъ прикащику Первушина, что не пуститъ болѣе въ свое государство русскихъ каравановъ и зарѣжетъ каждаго русскаго, который осмѣлится явиться въ Кашгаръ. Объ этомъ была поставлена въ извѣстность контора Хлудовыхъ. Между тѣмъ караванъ Михаила Хлудова, пройдя Тянь-Шаньскія горы Заукинскимъ проходомъ, частію расторговался въ гор. Аксу и затѣмъ, вѣроятно, не зная еще объ угрозѣ Якубъ-бека, направился въ Кашгаръ. Не доходя этого города, какъ разсказываетъ купецъ Первушинъ, получившій свѣдѣнія изъ Кашгара, Хлудову и его прикащикамъ завязали глаза и отвели въ назначенное имъ помѣщеніе, а весь товаръ секвестровали въ казну Якубъ-бека (*). Если бы это и было вѣрно, то едва-ли можно полагать, что Хлудовъ будетъ убитъ; вѣроятнѣе думать, что его продержатъ въ заключеніи до выясненія нашихъ дѣлъ съ Бухарою.

Наканунѣ предполагавшагося отъѣзда генералъ-губернатора въ Петербургъ, изъ Вѣрнаго пріѣхалъ военный губернаторъ Семирѣченской области, который доложилъ, что недавно одинъ манапъ дикокаменныхъ киргиз (Токмакскаго уѣзда) затѣялъ переписку съ Якубъ-бекомъ. Изъ схваченнаго письма видно, что Якубъ-бека называетъ этотъ манапъ своимъ великимъ государемъ и бранитъ русскихъ. Вскорѣ затѣмъ въ Токмакѣ получились свѣдѣнія о появленіи на рѣкѣ Нарынѣ кашгарскихъ отрядовъ. Начальникъ Токмакскаго уѣзда выступилъ съ небольшимъ числомъ казаковъ на Нарынѣ и, при его приближеніи, кашгарцы удалились за горы. Судя по величинѣ костровъ, оставшихся на ихъ ночлегахъ, можно предположить, что число кашгарцевъ, показавшихся изъ за Тянь-Шаня, равнялось приблизительно 250 человѣкъ. Во время пребыванія генерала Колпаковскаго въ Ташкентѣ, получена была новая эстафета отъ начальника Токмакскаго уѣзда о появленіи кашгарскихъ отрядовъ на Нарынѣ. Тогда же туркестанскій генералъ-губернаторъ приказалъ генералу Колпаковскому немедленно отправиться въ Токмакъ и, ускоривъ движеніе изъ Вѣрнаго трехъ ротъ, назначенныхъ на постройку постояннаго моста и укрѣпленія на рѣкѣ Нарынѣ, двинуть ихъ Буамскимъ ущельемъ для очищенія страны отъ вторженія кашгарцевъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній отъ генерала Колпаковскаго еще не получено.

Вѣрны-ли слухи о появленіи кашгарцевъ на сѣверную сторону Тянь-Шаня или нѣтъ, но, кажется, можно думать, что Якубъ-бекъ, находящійся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ эмиромъ, сдѣлаетъ попытку помочь ему. Лазутчики говорятъ, что владѣтель Алтышара, не смотря на свои натянутыя отношенія къ Худояръ-хану, предлагалъ ему идти вмѣстѣ противъ русскихъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною Кокану. На предложеніе это Худояръ-ханъ будто бы отвѣчалъ, что, въ случаѣ неудачи, придется первымъ отвѣчать кокантскому ханству, у котораго нѣтъ силъ бороться противъ Россіи.

Изъ настоящаго очерка политическаго положенія нашего въ Средней Азіи можно ясно видѣть, что оставаться долѣе хладнокровнымъ зрителемъ совершающагося противъ насъ въ Средней Азіи движенія было бы не только неосторожно, но даже неблагоразумно. Нельзя было безнаказанно дозволить бухарскому эмиру волновать населеніе и мѣшать дѣлу организаціи края. Туркестанскій генералъ-губернаторъ былъ вынужденъ начать военныя дѣйствія и заставить эмира поплатиться за свои безумныя попытки.

(*) Ривоядомъ называется подборъ статей изъ Корана или жизни имамовъ, указывающій, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Послѣ того, какъ къ ривояду будутъ приложены печати улемовъ, онъ становится фатьвою, т. е. получаетъ силу закона для мусульманъ.

(*) Это извѣстіе, по равнымъ соображеніямъ, необходимо принять очень осторожно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

№ 141

26 МАЯ
7 іюня

1868

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Рекламы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С. Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида, Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества* — на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка, на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

ГОДЪ 55-й.

Извѣстія изъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

Начальникъ джизакскаго отряда донесъ, что 15-го апрѣля, въ 4 часа утра, было произведено вооруженное нападеніе бухарскихъ шаекъ на нашъ лагерь при Ключевомъ. Наши войска какъ въ лагерѣ, такъ и въ цитадели, по тревогѣ, быстро стали въ ружье. За темнотой ночи нельзя было усмотрѣть ни численности непріятеля, ни направленія, съ котораго онъ намѣревался атаковать лагерь. Бухарцы, открывши огонь, бросились первоначально съ крикомъ «ура» на лагерь съ фронта; два выстрѣла картечью остановили натискъ. Послѣ того, вторая попытка нападенія была сдѣлана на лѣвый флангъ лагеря; два другихъ выстрѣла изъ орудій разсѣяли шайку. Наша пѣхота съ своей стороны открыла ружейный огонь. Казачій отрядъ подполковника Штрандмана, по тревогѣ, быстро выдвинулся впередъ въ горы, чтобы нагнать непріятеля. Настигнувъ шайку, казаки дѣйствовали съ большою стремительностью; разбойники спасались бѣгствомъ; не малое число бухарцевъ было изрублено на мѣстѣ, многіе погибли и ранены отъ ружейнаго огня. Казаки вернулись въ лагерь только въ 5-мъ часу вечера, прогнавъ бухарцевъ на далекое разстояніе. Съ нашей стороны ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ.

Казаками взято изъ преслѣдуемой шайки 4 человѣка, въ числѣ коихъ одинъ тяжело раненъ. Численность шайки не опредѣлена; можно полагать, что она была значительная, такъ какъ самъ Чилекскій Умаръ-бекъ лично начальствовалъ бухарцами, и лично дрался съ нашими войсками. Что набѣгъ бухарцевъ не есть дѣло бродягъ и разбойниковъ, за которыхъ правительство эмира не отвѣчаетъ,—это очевидно изъ открытія военныхъ дѣйствій, начатыхъ противъ насъ бухарскими властями. Подобныя нападенія будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока гнѣздо разбойниковъ и мѣстопребываніе бека, Чилекъ, не будетъ разрушено.

Тотъ же начальникъ уѣзда доноситъ, что въ первыхъ числахъ сего апрѣля явились въ Джизакъ два афганца, Нуръ-Магомедъ и Мухамедъ-Гали, присланные къ нему Искандеръ-ханомъ, начальникомъ афганской партіи, служащей въ бухарскихъ войскахъ, съ заявленіемъ желанія принять русское подданство. Въ тоже время прибылъ къ нему еще одинъ афганецъ съ письмомъ отъ Искандеръ-хана и просьбою—принять афганскій отрядъ подъ русское покровительство; при этомъ посланный сообщилъ, что партія ихъ, въ ожиданіи отвѣта со стороны военнаго начальника уѣзда, расположилась при д. Яны-Кишлакѣ. Всѣ посланные афганцы заявили полковнику Носовичу, что они не желаютъ служить бухарскому эмиру и что тяжелое положеніе, въ которомъ они находятся въ Бухарѣ, заставляетъ ихъ перейти на сторону русскихъ. По словамъ одного изъ посланныхъ (Караулъ Беги-Инга Тилля), афганцы выдержали успѣшный бой съ войсками эмира около бухарскаго укрѣпленія Нураты, гдѣ они взорвали

верховой патрон, каких двух бухарских беков (во время их нашей границы нарушили афганцы) и два орудия. Партия их состоит приимущественно изъ пѣхоты, человѣкъ въ 2000 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ и 50 всадникахъ. Когда помощникъ Носовича сказалъ посланному отъ Исандеръ-хана, что афганцы не могутъ разсчитывать на принятіе ихъ въ Россію, въ качествѣ военнаго войска, посланный отвѣчалъ, что афганцы безусловно отдаются во власть русскаго Императора, или котораго имъ уже извѣстно имя, и что возвратятся въ Бухару, гдѣ оставлять ихъ жены и дѣти, они не могутъ, а родина ихъ очень далека. Возвратившіе этого, помощникъ Носовича, съ посланнымъ къ Исандеръ-хану писалъ, объявилъ, что 12-го числа апрѣля они должны выступить изъ Ишъ-Кишлака къ Пуркуду и расположиться на открытомъ полѣ у рѣчки Ишъ-Кудакъ. Въ то же время онъ послалъ на встрѣчу афганцамъ 200 казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они приняли ихъ, привели въ Джизакъ и расположили авторитетъ въ виду находящагося тамъ отряда. По приходѣ афганцевъ въ Джизакъ, назначенныя ушли сдѣлать распоряженія о продовольствіи ихъ и отдалъ въ подчиненіе Исандеръ-хану.

Исандеръ-ханъ приходится, по матери, внукомъ извѣстному Достъ-Магомеду и, слѣдовательно, двоюродный братъ Ширъ-али-хана, занимающаго теперь Кабулъ. Исандеръ-ханъ ушелъ въ Бухару съ преданными себѣ людьми, по недоразумѣніямъ съ Ширъ-али-ханомъ, полтора или два года тому назадъ. Эмиръ назначилъ его командиромъ батальона афганцевъ, который былъ сформированъ въ Бухарѣ ранѣе прибытія туда Исандеръ-хана. Батальонъ этотъ участвовалъ, въ числѣ 150 человѣкъ, въ вышеописанныхъ дѣлахъ еще до прибытія туда ихъ начальника Исандеръ-хана, при драхъ впереди бухарскихъ войскъ и бывалъ только весьма значительной потери.

По словамъ Исандеръ-хана, Ширъ-али-ханъ уступилъ Кабулъ брату своему, Аюбъ-хану; въ Балхѣ не осталось Абдурахманъ-хана, которой, будто бы, фамилію Дост-Магомеда признанъ старшимъ въ родѣ. Почти всѣ они желаютъ возвратиться на свою родину, куда и будутъ отправлены небольшими партіями, при первой возможности.

шать отнынѣ будутъ на тюремномъ дворѣ. Многіе журналы остались недовольны тѣмъ, что ихъ хроникеровъ не пригласили въ комнату, гдѣ приговоренный къ смерти проводитъ свои послѣднія минуты, до появленія передъ народомъ. Обыкновенно такъ дѣлалось прежде. Палачей, снимавшихъ тѣло Баррета, толпа встрѣтила бранью и ревомъ!

Если бы все приводилось присутствовать на такихъ зрѣлищахъ, какъ Дэрби, пришлось бы, конечно, усомниться въ прогрессѣ человѣческаго общества. Я, къ истинному моему удовольствію, вчера же вечеромъ попалъ на литературный вечеръ въ одномъ, весьма симпатичномъ кружкѣ дѣльной, мыслящей молодежи. Какъ въ Парижѣ я съ любовію изучалъ направленіе идей, интересовъ и тенденціи молодой генераціи, такъ и здѣсь старался держаться этого же пріема соціальной физіологіи. Всѣ тѣ англійскіе молодые люди, съ которыми мнѣ привелось уже бесѣдовать, одушевлены искреннимъ протестомъ противъ удушливаго формализма англійскихъ понятій и принциповъ. Вчера, въ кружкѣ, состоящемъ изъ пятнадцати человѣкъ, нашлось только три члена, наклонныхъ къ отживающему идеализму; остальные пріятно поразили меня положительнымъ складомъ своего мышленія, прочной эмансипаціей ума отъ всякой метафизической или англиканской устарѣлости! Будь побольше такихъ людей въ нарождающемся поколѣніи, и тогда въѣвшееся въ британское общество политическое и моральное *лицемѣріе* поневолѣ рухнетъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ заношу въ мою хронику рѣшеніе суда, приговорившаго Юма къ возвращенію г-жѣ Лайаль ея 30 тысячъ фунтовъ. Иные джентльмэны увѣряютъ, что это насиліе! Но въ подобныхъ искахъ слѣдуетъ держаться не буквы закона, а здраваго смысла и уваженія къ тому, что выше хитросплетеній казуистики: къ научной правдѣ. Спиритизмъ можетъ существовать, какъ забава праздныхъ и скудоумныхъ людей, но магистратура не обязана давать ему права гражданства. Я удивляюсь, что здѣшніе ученые и такіе почтенные, какъ напримѣръ г. Тиндаль, вступаютъ въ полемику съ спиритами и подаютъ поводъ къ толкамъ, въ которыхъ положительное знаніе ставится на одну доску съ экспериментами разныхъ Юмовъ и tutti quanti. Кафе-шантаны въ запуски потѣшаются надъ Юмомъ въ куплетахъ, гдѣ достается-таки и будущему королю Англіи.

Авениръ Миролюбовъ.

16-го (28-го) мая 1868 г.

САМАРКАНДЪ.

(По Вамбери и др.)

Восточный житель — поклонникъ метафоры. Среднеазіятецъ зоветъ Бухару «крѣпостью Ислама», а Самаркандъ «средоточіемъ міра» и «раемъ на землѣ». Вамбери нашелъ, что какъ Ташкентъ составляетъ ключъ къ Средней Азіи въ стратегическомъ отношеніи, такъ Самаркандъ можетъ дѣйствительно назваться, если не средоточіемъ міра, то центромъ гражданской жизни въ Средней Азіи. Правда, это уже не столица Тамерлана, а городъ съ населеніемъ въ 15,000—20,000 жителей. Но соотвѣтственно утратилось политическое и историческое значеніе всей Средней Азіи, такъ что умалившаяся въ размѣрахъ, обѣднѣвшая столица Тимура все продолжаетъ оставаться въ ней центромъ. Положеніе Самарканда, въ отношеніи мѣстности и климата—самое лучшее въ Средней Азіи. Природа здѣсь величественна, растительность по преимуществу роскошна. Прямо за Самаркандомъ, на пути къ Бухарѣ, начинаются покрытыя лѣсомъ горы и лѣсъ тянется почти до самой Бухары. Самаркандъ былъ лѣтнею резиденціею бухарскихъ эмировъ, благодаря своему климату и мѣстоположенію.

Видъ Самарканда, съ его дворцами и минаретами, издали очень красивъ, но, какъ вообще восточные города, вблизи онъ не производитъ того же впечатлѣнія и даже разочаровываетъ. Онъ пространствомъ будетъ съ Тегеранъ, но Тегеранъ выстроенъ компактнѣе, сплошнѣе. Архитектура домовъ въ Самаркандѣ—персидская. Типъ этой архитектуры въ городѣ—часовня на могилѣ Тимура. Эту часовню Вамбери называетъ роскошною по отдѣлкѣ, хотя эта отдѣлка вмѣстѣ поражаетъ и простотою. Подъ голубымъ сводомъ ея, покрытымъ алебастровыми, позолоченными арабесками, покоится прахъ гордости и славы среднеазіятскаго востока—Тимура. День и ночь мулла читаетъ надъ гробницею завоевателя, признаннаго святымъ, коранъ И эти муллы, равно какъ смотрители часовни, непремѣнно ногайскіе татары. Тимуръ, умирая, завѣщалъ, чтобы могилу его охраняли представители самаго преданнаго ему племени и такимъ племенемъ признаны были ногайскіе татары.

Тимуръ, котораго враги называютъ Тамерланомъ (Тимуромъ хромымъ), былъ не только завоеватель и человѣкъ съ характеромъ, но и съ душою, и сверхъ того, человѣкъ просвѣщенный. Онъ завѣщалъ, чтобы тѣло его непремѣнно было похоронено рядомъ съ могилою его учителя, и это завѣщаніе было исполнено: возлѣ зеленаго камня на могилѣ Тимура, лежитъ другой, черный, обозначающій могилу его наставника. Тимуру приписывалось перемѣщеніе въ Самаркандъ одной изъ самыхъ богатыхъ восточныхъ библіотекъ. Вопреки свидѣтельствамъ нѣкоторыхъ историковъ, Вамбери не вѣритъ, чтобы это было такъ, но что Тимуръ умѣлъ цѣнить письменные памятники древности—свидѣтельствуетъ коранъ, привезенный имъ въ Самаркандъ изъ Бруссы, изъ библіотеки султана Баязета, писанный, какъ полагаютъ, еще Османомъ, вторымъ калифомъ послѣ Магомета. Этотъ коранъ писанъ на кожѣ газелей.

Тимуръ причисленъ къ числу святыхъ, и къ нагруднику его въ тимуровомъ дворцѣ, въ Самаркандѣ, прикладываются какъ къ святынѣ. Жена его также почитается святою. Впрочемъ, Самаркандъ хранитъ въ стѣнахъ своихъ, отстоящихъ на значительное разстояніе отъ стѣнъ прежняго, богатаго и славнаго Самарканда, множество гробницъ другихъ святыхъ, и правовѣрные стекаются сюда отовсюду на поклоненіе, что отчасти помогаетъ болѣе скорому разрушенію памятниковъ прошлаго, потому что поклонники не прочь унести съ собою малую толику драгоцѣнныхъ памятниковъ древности, напримѣръ, хоть какой нибудь осколокъ, на воспоминаніе. Сильна вѣра въ этихъ святыхъ въ средѣ поклонниковъ ислама. Когда Вамбери, переодѣтый дервишемъ, за котораго его и принимали, говорилъ съ туземцами о могущей быть когда-нибудь войнѣ Россіи противъ ихъ эмира, туземцы высказывали твердую вѣру, что имъ бояться нечего. Они надѣялись на двойную защиту. Во первыхъ, ихъ святые не могли дать покорить ихъ невѣрнымъ; бухарскій ханъ долженъ былъ помочь въ этомъ святымъ. Во-вторыхъ, сѣверныя степи ручались за ихъ безопасность.

Между достопримѣчательностями Самарканда можно указать на громадный зеленый камень (10 фут. длины, 4 ширины и $4^1/_2$ вышины), на которомъ стоялъ тронъ Тимура. Ханъ ставилъ ногу на какого нибудь знатнаго раба, все время представлявшаго изъ себя ступень, и такимъ образомъ всходилъ на свой тронъ. Другая достопримѣчательность Самарканда, комната во дворцѣ эмира, вся выложенная кусками зеркалъ; между туземцами она слыветъ чудомъ свѣта.

Городъ представляетъ между строеніями массу развалинъ. Жители его состоятъ изъ узбековъ и таджиковъ. Узбеки — народъ воинственный, прямодушный, или по крайней мѣрѣ бывшій такимъ, пока не сошелся, говоритъ Вамбери, съ горожанами средней Азіи, таджиками. Таджики — это буржуа городовъ средней Азіи, представляютъ собою промышленное и торговое населеніе. Въ Самаркандѣ узбековъ вдвое больше, нежели таджиковъ. Такимъ образомъ въ населеніи этого города долженъ преобладать характеръ воинственный. Но узбеки воинственны не противъ однихъ враговъ эмира, но иногда и противъ него самого. Такъ по дорогѣ отъ Самарканда къ Бухарѣ, нѣкоторыя племена узбековъ, засѣвъ въ лѣсахъ, ведутъ весьма часто борьбу съ эмиромъ.

Мѣстность между Самаркандомъ и Бухарою составляетъ гордость мѣстныхъ жителей. Она плодородна, хорошо обработана и сравнительно густо населена. Одинъ взглядъ на карту можетъ удостовѣрить въ этомъ. Обиліе населенныхъ мѣстностей тутъ бросается въ глаза. На остановкахъ между этими двумя городами, Вамбери находилъ болѣе удобства, чѣмъ въ Турціи и Персіи. Непремѣнная принадлежность всѣхъ этихъ станцій — громадный русскій самоваръ. Какъ перейдя на западъ русскій самоваръ умалился въ размѣрахъ, такъ на востокѣ онъ достигъ грандіознаго объема. Нужно ли видѣть въ этомъ вліяніе Нижняго-Новгорода, куда пріѣзжаютъ бухарцы массами и гдѣ, какъ извѣстно, въ холодное ярмарочное лѣто самоваръ служитъ для отопленія неимѣющихъ печей лавокъ? Какъ бы то ни было, но русскій самоваръ давно завоевалъ среднюю Азію. Говоря о томъ, что русскіе товары всюду проникли въ среднюю Азію, что нѣтъ дома въ среднеазіатскомъ городѣ, куда не проникло бы что нибудь изъ русскаго производства, венгерскій путешественникъ насчитываетъ, что 3,000 верблюдовъ ежегодно перевозятъ въ среднюю Азію изъ Сибири одно желѣзо въ посудѣ и утвари. Не смотря на сравнительную добротность англійскаго товара, и на большія удобства доставки его, среднеазіатцы, по замѣчанію Вамбери, предпочитаютъ русскій. Главную причину этого, Вамбери видитъ въ сравнительной давности торговыхъ сношеній Россіи съ средней Азіею, а жители востока по преимуществу держатся старины.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Невозможность во время лѣта бесѣдовать о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. — Представленіе европейско-американско-японскаго общества въ Юсуповомъ саду.—Новыя танцовщицы у г. Излера.—Картины г. Политти. —Славянскіе пѣвцы.—Гулянье въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду.— Разговоръ у памягника Крылова.

«Зачѣмъ же описывать все бѣдность, да бѣдность, да несовершенство человѣческой жизни?»—такъ нѣкогда восклицалъ Гоголь; съ вопросомъ въ такомъ же родѣ можетъ обратится въ данный моментъ каждый петербургскій читатель къ каждому петербургскому фельетонисту. «Зачѣмъ же описывать все одни увеселенія, да увеселенія, да появленіе новыхъ феноменовъ въ различныхъ чертогахъ различныхъ петербургскихъ «волшебниковъ»? Ужели нѣтъ никакихъ другихъ явленій общественной жизни, ужели невозможно найти для хроники сюжетовъ менѣе легкихъ, сюжетовъ «вызывающихъ на размышленіе?» На подобные вопросы приходится отвѣчать, что, къ сожалѣнію, въ лѣтнее время такихъ сюжетовъ отыскать почти невозможно, что столичная жизнь и жизнь дачныхъ окрестностей оныхъ положительно не представляетъ. Лѣтомъ даже хроникеры, принадлежащіе къ «фракціи» публицистическо-фельетонной, хроникеры, способные по поводу какого-нибудь «легкаго скандальчика» въ какомъ-нибудь «Шато», бесѣдовать о значеніи отечества въ ряду европейскихъ державъ и предостерегать его отъ коварной политики враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, даже такіе хроникеры, говоримъ мы, не покушаются на серьезныя размышленія и сочиняютъ безчисленное количество фельетонныхъ строкъ единственно о соловьяхъ и розахъ, о г. Излерѣ и Павловскѣ, о любви и дачной жизни — словомъ обо всѣхъ, отнюдь не серьезныхъ явленіяхъ лѣтняго сезона. Если уже хроникеры «фракціи» публицистическо-фельетонной не въ состояніи съ обычной имъ беззастѣнчивостью пошлости философствовать въ лѣтніе дни, то хроникерамъ, немудрствующимъ лукаво, самимъ небомъ соизволяется описывать увеселенія и затѣмъ не простирать свой полетъ никуда въ сторону, такъ какъ летѣть положительно некуда. Имѣя въ виду это обстоятельство, обратимся къ изображенію новостей прошедшей недѣли по части увеселительной.

Въ минувшее воскресенье въ Юсуповомъ саду давало первое представленіе общество «Нептунъ».

ВТОРНИКЪ

№ 150

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

4 ИЮНЯ
16

1868

ГОДЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго коммиссіонера *Русскаго Инвалида, Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Олькиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка, на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

55-1.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Рекламы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ныхъ нашихъ усилій предотвратить его.... Съ другой стороны, афганы естественно расположены считать своими врагами всякаго — русскихъ или англичанъ, — кто покусится овладѣть ихъ территоріею. Если мы нападемъ на нихъ, они соединятся съ русскими противъ насъ; если нападеніе будетъ сдѣлано русскими, они вступятъ въ союзъ съ нами. Завоеваніе подобнаго народа обойдется слишкомъ дорого, а потому рождается простой вопросъ: не лучше ли предоставить Россіи сдѣлать подобную попытку?...» Мы желали бы, чтобы *Times* повѣрила намъ, что эта нелѣпая попытка никогда не входила и не можетъ входить въ соображеніе Россіи. Нѣтъ такого безумнаго человѣка между нами, который мечталъ бы о возможности подобныхъ событій. И какая могла бы быть цѣль всѣхъ этихъ невѣроятныхъ усилій? Какими результатами могли бы быть искуплены они? Очевидно, что подобные планы могутъ родиться лишь въ слишкомъ раздраженномъ воображеніи и англичане имѣютъ достаточно практическаго смысла, чтобы не тревожиться ими.

Въ № 139-мъ *Русскаго Инвалида* мы сообщили телеграмму изъ Орска о разбитіи бухарскихъ войскъ и о занятіи нашими войсками Самарканда. Сегодня мы помѣщаемъ подробное описаніе этого славнаго для русскихъ войскъ дѣла. Изъ него читатели увидятъ все вѣроломство бухарскаго эмира, рѣшающагося на самыя непозволительныя, по европейскимъ понятіямъ, продѣлки, въ числѣ которыхъ бухарское народное право не исключаетъ даже подлогъ. Изъ приводимаго ниже донесенія видно, на сколько въ Средней Азіи можетъ быть примѣнена на дѣлѣ безусловно мирная политика и на сколько отъ русской власти зависитъ избѣжать иногда непріязненныхъ столкновеній.

Извѣстія о сраженіи подъ Самаркандомъ и о занятіи этого города.

Неоднократныя нападенія на наши отряды, въ чемъ нельзя было не видѣть непріязненныхъ дѣйствій самого эмира бухарскаго, заставили генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана выступить 1-го мая, въ 4 часа утра съ позиціи на Ташъ-Купрюкѣ (*). По приближеніи къ Зарявшану войска наши были встрѣчены непріятелемъ въ садахъ, покрывающихъ всю долину этой рѣки. Войска продолжали однако движеніе, производя небольшую перестрѣлку. Такъ какъ генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ имѣлъ увѣреніе отъ бековъ самаркандскихъ, что ни духовенство, ни народъ не желаютъ войны, то имъ былъ посланъ въ авангардъ начальникъ походнаго штаба—полковникъ Петрушевскій, съ приказаніемъ прекратить перестрѣлку, если непріятель не сильно препятствуетъ нашему движенію. Полковникъ Петрушевскій съ сотнею казаковъ былъ встрѣченъ выстрѣлами; оттѣснивъ непріятеля, онъ, по приказанію генералъ адъютанта Кауфмана, двинулъ кавалерію въ сторону, чтобы пропустить пѣхоту авангарда. Тогда къ полковнику Петрушевскому явился парламентеромъ, бывшій въ 1859 г. посломъ отъ Бухары, Наземуддинъ-ходжа, который заявилъ, что привезъ отъ эмира мирныя условія, тѣ самыя которыя были ему присланы для приложенія печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ остановить отрядъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засталъ его. Но такъ какъ въ то же время непріятель приближался къ нашимъ войскамъ со всѣхъ сторонъ, то генералъ адъютантъ фонъ Кауфманъ не исполнилъ этого требованія и объявилъ посланному, что вступитъ въ переговоры только тогда, когда войска придутъ на ночлегъ.

Выйдя изъ садовъ на поляну, отдѣлявшую сады отъ Зарявшана, войска увидѣли на противоположномъ берегу отдѣльную значительную высоту, покрытую массами непріятеля, который, повидимому, рѣшился защищать переправу, тѣмъ болѣе, что глубина рѣки и быстрота теченія, казалось, могли сдѣлать для насъ эту переправу затруднительною. Въ полдень генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ объявилъ посланнику, что въ виду непріятеля онъ не можетъ остановиться на ночлегъ и потому, если Бухара желаетъ мира, то, чтобы войска бухарскія были бы тотчасъ же убраны; въ противномъ случаѣ высоты будутъ взяты штурмомъ. Между тѣмъ четыре сотни кавалеріи, съ четырмя орудіями и ракетнымъ дивизіономъ подъ начальствомъ подполковника Штрандтмана сбили и разсѣяли массы непріятеля, бывшія противъ нашего праваго фланга.

Такъ какъ прошло уже два часа, а посланный Наземуддиномъ-Ходжею еще не возвращался, то посланнику было объявлено, что войска, которыя между тѣмъ построились въ боевой порядокъ, двинутся впередъ. Бухарскій посланникъ убѣждалъ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана повременить и вызвался самъ отправиться на позицію, съ цѣлію отодвинуть бухарскія войска. Ему дано было часъ времени и объявлено, что если въ $3^1/_4$ часа бухарскія войска не отойдутъ назадъ, то начнется атака. Посланникъ уѣхалъ, оставивъ въ рукахъ генералъ-адъютанта Кауфмана привезенныя имъ условія мира. Къ изумленію, впослѣдствіи оказалось, что это вовсе не тѣ условія, которыя были высланы туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а вновь сочиненныя эмиромъ, написанныя на персидскомъ языкѣ, съ существенными измѣненіями. Такимъ образомъ вѣроломство бухарскаго эмира осталось тѣмъ же, какимъ было всегда со времени начатія переговоровъ о мирѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

Между тѣмъ указанное время прошло, а бухарскія войска не только не отступили, но, напротивъ, открыли огонь изъ нѣсколькихъ орудій. Тогда войска наши, въ составѣ $21^1/_2$ ротъ, 16 орудій, одного ракетнаго дивизіона и $4^1/_2$ сотень казаковъ, выстроились въ боевой порядокъ (*). Первою линіею командовалъ полковникъ Абрамовъ; а генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, съ своимъ штабомъ, находился на лѣвомъ флангѣ, который долженъ сдѣлать захожденіе, съ цѣлію атаковать высоты, занятыя густыми массами непріятеля. Войска введены были въ дѣло генералъ-маіоромъ Головачевымъ.

Подъ выстрѣлами ядеръ съ батареи, поставленной противъ нашего лѣваго фланга, угрожаемые массами непріятеля обходомъ съ обоихъ фланговъ, войска наши смѣло и весело двинулись впередъ, по грудь въ водѣ перешли нѣсколько рукавовъ Зарявшана и продолжали безостановочно наступленіе.

По переправѣ, войска праваго фланга, быстро пройдя подъ перекрестнымъ огнемъ цѣлую версту болотистаго пространства, перерѣзаннаго топкими и широкими канавами, достигли подошвы высоты и штурмовали ее. Въ то же время войска лѣваго фланга, пройдя двѣ версты болотъ, очистивъ отъ бухарскихъ войскъ сады и дома, сдѣлали захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ и бросились на правый флангъ непріятеля.

Непріятель не выдержалъ дружнаго нападенія нашихъ войскъ и бѣжалъ съ такою быстротою, что войска наши, утомленныя движеніемъ и боемъ, не могли догонять его; кавалерія же съ трудомъ выбивалась изъ топи. Отрядъ расположился бивакомъ на ночлегъ на высотахъ, откуда были прогнаны бухарскія войска.

Одновременно со штурмомъ высотъ, въ обозѣ было отбито нападеніе большихъ партій бухарцевъ, обошедшихъ отрядъ съ обоихъ фланговъ.

При быстромъ отступленіи непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ всю артиллерію, бывшую на высотахъ, но, за исключеніемъ одного орудія, успѣлъ увезти батарею, которая была расположена въ долинѣ. Первыми трофеями нашими были 21 орудіе и лагерь.

Потеря наша въ дѣлѣ сравнительно ничтожна: ранено 3 оберъ-офицера (**), 28 нижнихъ чиновъ; контужено: 1 лекарь (***) и 6 нижнихъ чиновъ; убито нижнихъ чиновъ 2 (****).

Только по взятіи непріятельской позиціи можно было заключить о необыкновенной ея силѣ и о вѣроломныхъ намѣреніяхъ непріятеля. Нѣсколько писемъ, полученныхъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ въ Яны-Курганѣ; два посланника, одинъ за другимъ выѣзжавшіе къ нему во время движенія отряда къ Самарканду съ просьбами о мирѣ безъ исполненія предъявленныхъ эмиру требованій —все это показало, что непріятель хотѣлъ только долѣе удержать насъ на Зарявшанѣ, объяснить это народу и войску, какъ нашу слабость, и тѣмъ поднять духъ своего войска, усилиться людьми и, съ полнымъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости своей, встрѣтить насъ въ рѣдкой, по силѣ своей, позиціи. Но исполненіе долга сдѣлало ничтожными всѣ вѣроломныя ухищренія. Выполнивъ всѣ обязанности, налагаемыя международнымъ правомъ, войска наши, пройдя въ два дня до 70 верстъ, штурмовали крѣпкую позицію, прогнали непріятеля и взяли почти всю его артиллерію.

Хотя наши войска, какъ уже сказано, и не могли преслѣдовать непріятеля, но жители Самарканда сами заперли ворота и не впустили въ городъ бухарскія войска. Утромъ на другой день явились изъ Самарканда депутаты съ выраженіемъ преданности Его Величеству Императору Всероссійскому.

Оставивъ часть изъ нихъ при себѣ и отправивъ остальныхъ объявить жителямъ, чтобы они отворили ворота и встрѣтили наши войска, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ частью войскъ, въ числѣ которыхъ была рота афганцевъ, направился въ городъ. Жители впереди воротъ встрѣтили войска съ радостью. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ именемъ Государя объявилъ имъ, чтобы они продолжали заниматься своими дѣлами, открыли лавки и вернули въ городъ свои семейства, которыя были скрыты въ окрестностяхъ.

Цитадель заняли наши войска; вмѣстѣ съ тѣмъ семейства жителей густыми толпами начали возвращаться въ городъ. Довѣріе ихъ къ нашей силѣ и честности самое полное. И это не напрасно. Каждый въ нашихъ войскахъ, отъ мала до велика, исполнилъ свой долгъ и явилъ собою примѣръ, свойственный русскимъ: храбраго увлеченія въ бою, великодушія и честнаго поведенія съ мирными жителями.

Извлеченіе изъ журнальныхъ постановленій Высочайше учрежденной коммисіи доставленія пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая.

Въ №№ 36, 44, 64, 86 и 107 *Русскаго Инвалида* было сообщено о дѣйствіяхъ ком-

---

(*) Каменный мостъ на половинѣ пути между Яны-Курганомъ и Самаркандомъ.

(*) Въ цѣпи 2 стрѣлковыя роты; за ними 6 ротъ, по три за каждымъ изъ фланговъ; во второй линіи: 6 ротъ (въ томъ числѣ афганская), на правомъ флангѣ и $3^1/_2$ (въ томъ числѣ $^1/_2$ роты саперъ), за лѣвымъ флангомъ; 4 орудія въ правой половинѣ боевой линіи (въ томъ числѣ 2 нарѣзныхъ); 4 орудія въ лѣвой. Четыре сотни казаковъ съ 4 орудіями и ракетнымъ дивизіономъ расположились въ резервѣ за правымъ флангомъ. Остальныя войска прикрывали обозъ.

(**) Стрѣлковаго баталіона поручикъ Губинъ—тяжело; 9-го баталіона поручикъ Покровскій и 5-го подпоручикъ Сырохватовъ - оба легко.

(***) Титулярный совѣтникъ Честнѣйшій-Барышевскій.

(****) Одинъ изъ нихъ юнкеръ стрѣлковаго баталіона Новаковскій.

СРЕДА

№ 186

10 ИЮЛЯ
22

1868

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ назначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ *С.-Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главныхъ комиссіонера *Русскаго Инвалида*, *Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давидова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Безрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

ГОДЪ 55-й.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

принимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклямы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

Извѣстія изъ туркестанскаго военнаго округа.

Со времени занятія Самарканда, въ видахъ упроченія нашего положенія въ долинѣ Зарявшана, предприняты были командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа слѣдующія мѣры.

6-го мая высланъ былъ отрядъ подъ начальствомъ командующаго шестымъ баталіономъ маіора фонъ-Штемпеля для овладѣнія Чилекомъ (*) и разрушенія его укрѣпленій. Не встрѣтя никакого сопротивленія на пути и найдя городъ оставленнымъ какъ гарнизономъ, такъ и жителями, отрядъ нашъ, разрушивъ цитадель и казармы сарбазовъ, возвратился 8-го числа въ Самаркандъ.

Гораздо важнѣе было обезпечить спокойствіе на юго-востокъ отъ Самарканда, въ 32-хъ верстахъ отъ котораго, при подошвѣ горъ, лежитъ городъ Ургутъ, имѣющій въ небольшомъ ущельи

(*) Къ сѣверу отъ Самарканда, при подошвѣ горъ Нуратынъ-Тау.

цитадель, устроенную въ три яруса, изъ которыхъ каждый обнесенъ довольно прочною стѣною. Верхній ярусъ цитадели—помѣщеніе бека,—сильно командуетъ городомъ и всѣми окрестностями. По разсказамъ туземцевъ, городъ Ургутъ неоднократно былъ осаждаемъ разными эмирами, но ни разу никѣмъ изъ нихъ не былъ взятъ. И дѣйствительно, этому можно вѣрить, потому что положеніе какъ города, такъ и цитадели очень крѣпкое. Жители города Ургута имѣли своихъ потомственныхъ бековъ.

11-го мая, нашъ отрядъ, въ составѣ шести ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, ракетнаго дивизіона и дивизіона конно-облегченной батареи, подъ начальствомъ полковника (нынѣ генералъ-маіора) Абрамова двинулся къ Ургуту и, не доходя четырехъ верстъ до города, отправилъ къ Гуссейнъ-беку письмо генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана. Вскорѣ въ отрядъ явился посланный отъ аксакаловъ, съ просьбою остановить движеніе отряда и съ изъявленіемъ полной покорности жителей русскому правительству. Начальникъ отряда объявилъ посланному, что онъ, по смыслу полученныхъ имъ отъ начальника округа инструкцій, никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ жителей не имѣетъ и что онъ долженъ видѣться съ самимъ Гуссейнъ-бекомъ и передать ему волю генералъ-губернатора, который желаетъ видѣть Гуссейнъ-бека въ Самаркандѣ.

Выслушавъ отвѣтъ, посланный ушелъ, а черезъ часъ къ начальнику отряда явились три человѣка, поздравили генералъ-маіора Абрамова съ приходомъ и спросили, какія будутъ приказанія для передачи въ Ургутъ? Выслушавъ то, что было уже сказано прежде посланному, три гонца уѣхали обратно, сказавъ, что тотчасъ же дадутъ отвѣтъ. Дѣйствительно, черезъ три четверти часа они воротились, объявивъ, что Гуссейнъ-бекъ можетъ прислать положительный отвѣтъ не ранѣе, какъ къ вечеру слѣдующаго дня. Начальникъ отряда объявилъ, что согласенъ ждать прибытія бека только до слѣдующаго утра, при чемъ опять подтвердилъ все сказанное имъ прежде, добавивъ, что свиданіе Гуссейнъ-бека съ генералъ-губернаторомъ въ Самаркандѣ необходимо для опредѣленія будущихъ отношеній Ургута къ Самарканду и для водворенія въ этой мѣстности полнаго спокойствія. Посланные объявили, что Гуссейнъ-бекъ завтра, въ семь часовъ утра, будетъ въ лагерѣ.

Едва только ушли посланные, какъ въ отрядъ прибылъ посланецъ, отправленный генералъ-маіоромъ Абрамовымъ въ Ургутъ съ письмами къ Гуссейнъ-беку отъ генералъ-губернатора. Посланецъ разсказывалъ, что въ городѣ всѣ жители выведены въ горы, что городъ, занятый шестью тысячами войска, готовится къ защитѣ, устраивая завалы и баррикады и что Гуссейнъ-бекъ ждетъ подкрѣпленія изъ Шахри-Сябза.

Чрезъ нѣсколько времени въ лагерь нашъ прибыли три человѣка, въ числѣ которыхъ былъ и Гуссейнъ-бекъ. Генералъ Абрамовъ началъ уже вести разговоръ съ Гуссейнъ-бекомъ, когда узналъ, что предъ нимъ находится самозванецъ. Убѣдившись въ обманѣ, начальникъ отряда потребовалъ объясненія, и послѣ долгихъ отговорокъ какъ со стороны самозванца, такъ и его товарищей, они всѣ трое сознались въ обманѣ.

Убѣдившись съ одной стороны въ томъ, что Ургутъ готовится къ бою, съ другой—что Гуссейнъ-бекъ, очевидно, желаетъ только выиграть время, генералъ Абрамовъ, задержавъ двоихъ изъ посланныхъ, третьяго послалъ въ Ургутъ съ категорическимъ требованіемъ, чтобы бекъ прибылъ въ лагерь къ семи часамъ утра.

Утромъ, въ пять часовъ, посланный возвратился, объявивъ, что Гуссейнъ-бекъ проситъ обождать три дня. На этотъ разъ посланный намекалъ на то, что городу нечего бояться русскихъ, что еще никто не бралъ Ургута, и что неизвѣстно еще, чѣмъ кончится дѣло, если русскіе попробуютъ его взять. Получивъ такіе отвѣты, генералъ-маіоръ Абрамовъ отпустилъ всѣхъ трехъ посланныхъ и объявилъ имъ, что если къ 9-ти часамъ Гуссейнъ-бекъ не будетъ у него въ лагерѣ, то онъ поведетъ отрядъ къ Ургуту.

Между тѣмъ еще съ утра этого дня кругомъ отряда со всѣхъ сторонъ были видны непріятельскіе пикеты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно значительные; около самаго Ургута въ садахъ видѣнъ былъ большой лагерь, изъ котораго отъ времени до времени слышались фалконетные выстрѣлы, а въ тылу нашего лагеря видна была довольно большая партія конныхъ людей.

Такъ какъ въ 9 часовъ утра никто въ лагерь не явился, то отрядъ нашъ двинулся къ крѣпости. Но едва прошелъ онъ съ версту, какъ вышли ему на встрѣчу тѣ самые три человѣка, которые утромъ отпущены были изъ лагеря и предъявили письмо Гуссейнъ-бека на имя генералъ-губернатора. Начальникъ отряда, не принявъ письма, объявилъ, что если Гуссейнъ-бекъ дѣйствительно желаетъ жить въ мирѣ съ русскими, то обязанъ исполнить волю генералъ-губернатора и прибыть лично въ отрядъ. Посланные обѣщали черезъ полчаса привезти отвѣтъ. На это время отрядъ былъ остановленъ.

Явившіеся, по прошествіи срока, посланные прямо объявили, что Гуссейнъ-бекъ ни въ отрядъ не явится, ни въ Самаркандъ не поѣдетъ, что Ургутъ будетъ защищаться, такъ какъ войска уже собраны и неизвѣстно, чѣмъ еще кончится попытка русскихъ взять Ургутъ.

Послѣ такого категорическаго заявленія, отрядъ нашъ построился въ боевой порядокъ и пошелъ на Ургутъ, скрытый въ лощинѣ. За полторы версты городъ открылся, и войска наши увидѣли довольно большія массы кавалеріи, частью стоявшія передъ Ургутомъ, частью же на правомъ флангѣ по пенджикенской дорогѣ. Въ садахъ же было множество пѣшаго вооруженнаго народа.

Какъ только отрядъ нашъ втянулся въ лощину, бухарская кавалерія стала заѣзжать противъ нашего праваго фланга; наѣздники ея выѣхали впередъ и немедленно открыли ружейный огонь по отряду, который былъ остановленъ. Вызванный впередъ на позицію, конный дивизіонъ казачьей батареи нѣсколькими удачными выстрѣлами отбросилъ бухарскую кавалерію. При приближеніи отряда къ опушкѣ садовъ обозначилось, что всѣ наружныя стѣнки ихъ были заняты непріятелемъ, вездѣ были пробиты бойницы, а на самой дорогѣ былъ устроенъ большой завалъ, занятый густою массою пѣхоты. Быстрымъ наступленіемъ отрядъ нашъ сбилъ непріятеля съ опушки, занялъ стѣнки и втянулся въ сады. Сдѣлавъ по главному завалу нѣсколько выстрѣловъ гранатами, генералъ-маіоръ Абрамовъ приказалъ маіору Гриппенбергу атаковать его. Подойдя къ завалу шаговъ на 250, роты наши кинулись впередъ; на лѣвый же флангъ завала была направлена уральская сотня. Какъ пѣхота, такъ и казаки одновременно взлетѣли на завалъ. Непріятель, однако, не побѣжалъ, но встрѣтилъ наши войска на завалѣ, гдѣ и завязалась рукопашная схватка, не продолжительная, но весьма жаркая, послѣ которой непріятель, будучи сбитъ, обратился въ бѣгство.

По взятіи перваго завала, отрядъ совершенно втянулся въ сады, гдѣ началось весьма серьезное сопротивленіе. Всѣ стѣнки въ садахъ, по обѣ стороны дороги, были заняты непріятелемъ; на самой дорогѣ чрезъ каждые 150—200 шаговъ были устроены завалы и баррикады, защищаемые густыми массами пѣхоты. На всѣхъ пунктахъ непріятель держался крайне упорно; онъ не только не оставлялъ ни одной стѣнки и завала, но, напротивъ, весьма часто предупреждалъ нашу атаку, выходя изъ за баррикадъ; такъ что приходилось картечью отбивать его натиски. Рукопашный бой завязался почти по всей линіи; выбиваемый изъ за баррикадъ, непріятель не отступалъ, а только перемѣнялъ позиціи и укрѣплялся въ садахъ; выбиваемый изъ-за стѣнокъ, онъ садами перебѣгалъ къ арьергарду и занималъ вновь тѣ стѣнки, которыя голова колонны уже прошла, или кидался въ пашки на тѣ части, которыя были разсыпаны отъ арьергарда въ садахъ. Такъ, на глазахъ начальника отряда, 50 сартовъ кинулись на полувзводъ 3-й роты 5-го батаіона, перебѣгавшій изъ одного садика, очищеннаго отъ непріятеля въ другой, только-что имъ занятый. Атаку эту бухарцы произвели съ тылу, и не смотря на то, что въ первый же моментъ человѣкъ десять изъ нихъ было заколото, они не обратились въ бѣгство, а продолжали рукопашный бой до тѣхъ поръ, пока полсотни казаковъ не врубились въ эту толпу и не смяли ее лошадьми. Такихъ случаевъ было много. По мѣрѣ приближенія къ городу защита становилась все упорнѣе; непріятель отступалъ только тогда, когда окончательно терялъ уже всякую надежду остановить наше наступленіе. Только примѣрная храбрость войскъ и мужество и распорядительность частныхъ начальниковъ проложили путь въ городъ. Начальникъ уральской сотни есаулъ Хорошкинъ, раненый на первомъ завалѣ, не оставилъ своего поста до тѣхъ поръ, пока сотня его не кончила преслѣдованіе непріятеля. Точно также, раненый на баррикадѣ пулею въ голову, маіоръ Гриппенбергъ все время находился въ передовой цѣпи.

По вступленіи въ городъ, защита начала видимо ослабѣвать. Хотя всѣ улицы были также заставлены баррикадами, но непріятель, уже значительно потерявшій силы, не рѣшался оказывать того же упорнаго сопротивленія, что и въ садахъ; въ городѣ баррикады были занимаемы нами послѣ слабаго сопротивленія. Непріятель направилъ теперь всѣ свои усилія противъ хвоста нашей колонны и, собираясь въ большія толпы, кидался на наши боковыя цѣпи. Отбиваемый картечью, непріятель обращался въ бѣгство, но каждый разъ былъ нагоняемъ казаками и, преслѣдуемый ими, несъ весьма большія потери.

Въ три часа по-полудни голова колонны съ маіоромъ Гриппенбергомъ была въ цитадели; непріятеля нигдѣ не было видно, городъ былъ пустъ; жители со всѣмъ своимъ имуществомъ были выведены Гуссейномъ въ горы.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ была слѣдующая: убито нижнихъ чиновъ 1; ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеръ 1 и нижнихъ чиновъ 14. Потеря непріятеля—не менѣе 700 человѣкъ.

На другой день, 13-го числа, отрядъ нашъ возвратился въ Самаркандъ, а 14-го числа къ генералъ-губернатору явились депутаты отъ Ургута съ изъявленіемъ полной покорности.

Другой пунктъ, со стороны котораго необходимо было обезпечить спокойствіе нашихъ войскъ въ Самаркандѣ, это одно изъ важныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ бухарскаго ханства—Каты-Курганъ, лежащій въ 65-ти верстахъ отъ Самарканда, по дорогѣ на Бухару и занятый значительнымъ войскомъ подъ начальствомъ Омаръ-бека. Для овладѣнія городомъ генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ двинулъ, 16-го мая, отрядъ въ составѣ 14 ротъ, 3 сотенъ и 8 орудій, подъ начальствомъ командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, генералъ-маіора Головачева. По приближеніи 17-го числа нашего отряда, Омаръ-бекъ съ войскомъ своимъ бѣжалъ, а представители мирныхъ жителей города явились къ начальнику отряда съ изъявленіемъ безусловной покорности. 18-го числа отрядъ вступилъ въ городъ, а 21-го въ него прибылъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ и засталъ тамъ двухъ пословъ бухарскаго эмира, привезшихъ условія мирнаго договора.

23-го мая, человѣкъ 300 изъ шайки Садыка сдѣлали нападеніе на маркитантскій скотъ впереди нашего лагеря у Каты-Кургана, успѣвъ угнать нѣсколько верблюдовъ. При преслѣдованіи съ нашей стороны, они бросили верблюдовъ и потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми.

Между тѣмъ 27-го мая, въ 7 часовъ утра, значительныя массы непріятеля начали подходить къ нашему лагерю съ цѣлью большею частью своихъ силъ занять городскіе сады, находящіеся лѣвѣе лагеря. Генералъ Головачевъ тотчасъ же выдвинулъ впередъ часть войскъ, а другую оставилъ въ лагерѣ. По приближеніи войскъ, бухарцы открыли перестрѣлку, но выстрѣлами ядрами и гранатами были разсѣяны и преслѣдо-

ваны. Точно также не имѣли никакого успѣха и попытки ихъ нападенія на нашъ лагерь. Въ дѣлѣ этомъ принимала участія одна конница, которой было тысячъ до 20; большую часть ея составляли жители изъ окрестностей Кермине (*), пѣхота же въ числѣ 6 тыс. съ 3-мя орудіями, по случаю жары не принимала участія въ дѣлѣ. Съ нашей стороны никакой потери въ войскахъ не было.

Затѣмъ бухарцы расположились, при 8-ми орудіяхъ въ Зера-булакъ (**) и впереди его; числительность ихъ не менѣе 30 тыс. человѣкъ. Между ними и партія Садыка.

Въ концѣ же мая генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о сборѣ при Кара-Тюбе (***) вооруженныхъ скопищъ, обманомъ и насиліемъ привлеченныхъ шахрисябзскими беками для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого, 27-го же мая, былъ посланъ туда подъ начальствомъ генералъ-маіора Абрамова отрядъ въ составѣ 8-ми ротъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и 6 батарейныхъ орудій.

Не доходя 6-ти верстъ до города, отрядъ нашъ въ 11 часовъ утра былъ встрѣченъ скопищемъ тысячъ въ десять человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много пѣхоты. Непріятель вскорѣ былъ разсѣянъ, причемъ большая часть его пѣхоты была уничтожена казаками подъ начальствомъ полковника Пистолькорса. Часу во второмъ снова показались передъ отрядомъ массы непріятеля, шедшаго изъ Шахрисябзскаго ущелья, отъ котораго наша позиція была верстахъ въ четырехъ. Непріятеля было тысячъ пятнадцать подъ начальствомъ Баба-бека. Вскорѣ непріятель сдѣлалъ нападеніе на нашу позицію, вслѣдствіе чего завязалось упорное дѣло, продолжавшееся часовъ пять. Непріятель былъ вездѣ отбитъ и потянулся на Шахри-Сябзь, Ургутъ и въ другія стороны. Потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ была значительна; однихъ изрубленныхъ можно считать болѣе 1,000 человѣкъ. Наша потеря состоитъ: убитыми нижнихъ чиновъ 5, ранеными—2 медика (****) и нижнихъ чиновъ 34, изъ числа которыхъ 12 тяжело.

28-го числа отрядъ возвратился въ Самаркандъ.

Между тѣмъ въ этотъ же день отрядъ нашъ, бывшій у Каты-Кургана, снова подвергся нападенію со стороны бухарцевъ.

Толпы конницы, въ 9 часовъ утра, окружили лагерь, остановясь отъ него верстахъ въ пяти; къ вечеру онъ скрылся, а съ разсвѣтомъ 29-го мая, тысячъ тридцать бухарцевъ, при трехъ горныхъ орудіяхъ, снова двинулись къ лагерю, изъ котораго были выдвинуты наши войска. Удачные выстрѣлы изъ орудій отогнали толпы конницы, вслѣдъ за которою, часовъ въ 6 утра, показались толпы пѣхоты. Наша пѣхота опрокинула бухарцевъ, а кавалерія изрубила человѣкъ 70, послѣ чего непріятель отступилъ. Съ нашей стороны потеря въ этомъ дѣлѣ состоитъ изъ 8 человѣкъ, въ числѣ которыхъ два убито и три тяжело ранены. Потерю непріятеля опредѣлить трудно; но она весьма значительна.

Получивъ свѣдѣніе, что здѣсь собираются всѣ силы эмира, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, 30-го мая, выступилъ съ отрядомъ изъ 10-ти ротъ, 3-хъ сотень казаковъ и 6 орудій и усиленнымъ маршемъ двинулся къ Каты-Кургану. Въ Самаркандѣ, въ цитадели, были оставлены 4 роты 6-го баталіона, рота саперъ и два батарейныхъ орудія подъ начальствомъ маіора барона фонъ-Штемпеля, которому въ помощь для управленія городомъ оставленъ былъ войсковой старшина Сѣровъ.

Ускоривъ еще маршъ по полученіи извѣстія о дѣлѣ 29-го мая, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ прибылъ въ Каты-Курганъ, гдѣ далъ дневку войскамъ и пополнилъ запасы. 2-го іюня, съ отрядомъ изъ 18-ти ротъ, въ томъ числѣ одна авганская, 6 сотенъ кавалеріи, въ томъ числѣ одна авганская, и 14 орудіями, онъ двинулся изъ Каты-Кургана, оставивъ въ цитадели двѣ роты пѣхоты подъ начальствомъ капитана Бергбома.

Отъ начала похода нашихъ войскъ на протяженіи 10-ти верстъ до позиціи непріятеля слѣва постоянно слѣдовала непріятельская кавалерія, которая возбуждающими криками покрывала всю степь. Но на разстояніе пушечнаго выстрѣла отваживались подъѣзжать только отдѣльные всадники. На 12-й верстѣ, по дорогѣ въ Кермине на Зерабулакскихъ высотахъ, были расположены бухарскія войска, въ числѣ болѣе 6-ти тысячъ пѣхоты, 15 тысячъ кавалеріи и 14 легкихъ орудій. Для аттаки позиціи войска раздѣлились на двѣ колонны—правая была подъ начальствомъ полковника Пистолькорса; лѣвая—генералъ-маіора Абрамова; всѣми войсками командовалъ генералъ-маіоръ Головачевъ. Аттаку начала правая колонна, въ которой дивизіонъ казачьей батареи, подскакавъ на картечный выстрѣлъ, производилъ въ рядахъ непріятеля опустошеніе. Выпустивъ 34 картечныхъ выстрѣла, артиллерія принудила непріятеля начать отступленіе; тогда полковникъ Пистолькорсъ двинулъ въ аттаку кавалерію, которая и довершила пораженіе лѣваго фланга непріятеля.

Непріятельская артиллерія не наносила намъ никакого вреда и тотчасъ же скрылась изъ виду, едва только началъ наступленіе генералъ-маіоръ Абрамовъ, пѣхота центра была отброшена по направленію къ Карши. Въ это время генералъ-маіоръ Головачевъ занялъ пѣхотою деревню Казы-Кишлякъ (въ 16-ти верстахъ отъ Каты-Кургана), гдѣ отрядъ и расположился на ночлегъ.

Потеря непріятеля громадна. По полученнымъ свѣдѣніямъ изъ бѣжавшей пѣхоты въ Кермине собралось не болѣе 1,000 человѣкъ. Наша потеря состоитъ: ранеными 37 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ половина легко.

Непріятельскими войсками командовали Хаджи (турокъ) и Османъ (бѣглый сибирскій казакъ ренегатъ); оба они успѣли бѣжать.

Предпринятая 3-го іюля рекогносцировка убѣдила, что вся окрестность пуста и нигдѣ не видно было пикетовъ. По словамъ жителей, непріятель разбѣжался въ разныя стороны.

Не имѣя между тѣмъ никакихъ извѣстій изъ Самарканда и получая темные слухи о нападеніи на него шахрисябцевъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, давъ войскамъ дневку, выступилъ къ Самарканду. На пути отъ Каты-Кургана, онъ получилъ отъ маіора Штемпеля извѣстіе (седьмое — шесть первыхъ было перехвачено) о стѣсненномъ положеніи самаркандскаго гарнизона, уже нѣсколько дней находившагося въ осадѣ и отбившаго нѣсколько штурмовъ. На всемъ пути слѣдованія, почти не видно было жителей; всѣ племена, при появленіи шахрисябскихъ войскъ Джура-бія, возстали и собрались къ Самарканду въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Жители Самарканда, побуждаемые страхомъ, отворили ворота Джура-бію и вмѣстѣ съ ними штурмовали цитадель.

Джура-бій былъ убѣжденъ въ побѣдѣ нашихъ войскъ надъ бухарцами и затѣмъ въ движеніи нашемъ на Кермине и Бухару. Почему, разсчитывая на малочисленность гарнизона, сдѣлалъ нападеніе. Узнавъ о возвращеніи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, Джура-бій тотчасъ же ушелъ въ Шахри-Сябзь; жители же, пришедшіе изъ окрестныхъ мѣстъ, продолжали осаду.

8-го іюня цитадель, послѣ 8-ми-дневной осады, была, наконецъ, освобождена. Наши колонны очистили городъ и разсѣяли непріятеля. Гарнизонъ во все это время велъ себя геройски, какъ велитъ долгъ, присяга и честь русскаго имени. Больные изъ лазарета, раненые, могшіе стрѣлять или колоть—всѣ одинаково несли службу на стѣнахъ и вылазкахъ. Въ числѣ оборонявшихся былъ и купецъ Трубчаниновъ, какъ охотникъ, съ ружьемъ въ рукѣ, раздѣлявшій всѣ труды и опасности гарнизона. Командиръ 9-го баталіона, подполковникъ Назаровъ, бывшій при выступленіи генерала Кауфмана больнымъ, во время нападенія, вышелъ изъ лазарета и, не смотря на старшинство свое, подчинялся маіору фонъ Штемпелю и во все время исполнялъ обязанности подчиненнаго. Защита Самарканда русскими войсками можетъ быть положительно поставлена въ ряду самыхъ блестящихъ дѣлъ русскаго оружія.

Самыя подробности этой славной обороны будутъ сообщены по полученіи о томъ полныхъ извѣстій.

(*) На сѣверо-востокъ отъ Бухары.

(**) На Дорогѣ изъ Каты-Кургана въ Бухару въ 40 или 50 верстахъ отъ Каты-Кургана.

(***) Въ 16-ти верстахъ къ ю.-з. отъ Самарканда.

(****) Докторъ медицины Абдіевъ—умершій черезъ сутки и лекарь Честнѣйшій-Барышевскій—раненъ легко.

ТЕЛЕГРАММЫ (*).

КОРКЪ, *9-го (21-го) іюля.* **Вчера разграбленъ здѣшній складъ ружей. Подозрѣніе падаетъ на феніянъ. Городъ въ сильномъ волненіи.**

ПЕРА, *8-го (20-го) іюля.* **Принцъ Наполеонъ при проѣздѣ мимо Сиры, принялъ депутацію кандіотовъ, пріѣхавшихъ просить о заступничествѣ за нихъ Франціи. Принцъ отвѣчалъ имъ уклончивымъ, осторожнымъ образомъ.**

ЛОНДОНЪ, *9-го (21-го) іюля.* **Сегодня ночью въ засѣданіи палаты общинъ, на запросъ г. Сили, секретарь адмиралтейства Ленноксъ отвѣчалъ, что извѣстіе о приведеніи въ военное положеніе двухъ французскихъ броненосныхъ кораблей въ Бордо и о сооруженіи третьяго броненоснаго корабля—совершенно неосновательно.**

Парижъ, *8-го (20-го) іюля.* 3% французская рента: въ началѣ биржи—70 фр. 12 сант., въ концѣ биржи—70 фр. 10 сант.

Италіянская рента: въ началѣ биржи—53 фр., въ концѣ биржи—53 фр. 40 сант.

Берлинъ, *8-го (20-го) іюля.* Вексельные курсы: на Петербургъ: на 3 недѣли—91 тал. за 100 руб. сер., на 3 мѣсяца—90¼ тал. за 100 р. с.—Русскіе кредитные билеты 82¼ т.—Золото 463¾ т.

(*) Получены чрезъ *русское телеграфное агентство.*

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности забайкальской духовной миссіи въ 1867 году, доставленнаго миссіонерскому Обществу Веніаминомъ, епископомъ селенгинскимъ, нынѣ Камчатскимъ. Дѣятельность забайкальской миссіи въ 1867 г. простиралась на инородцевъ въ четырехъ округахъ Забайкальской области и ближайшаго къ Посольскому монастырю прибрежья Иркутской губерніи. Забайкальская миссія дѣйствовала въ слѣдующихъ инородческихъ вѣдомствахъ, собственно въ Забайкальской области: по округамъ Селенгинскому, Верхнеудинскому, Баргузинскому и Нерчинскому; въ Иркутской же губерніи—на противуположномъ (отъ Посольскаго монастыря) берегу Байкала на Голоустинской степи, между бурятами и бродячими тунгусами кудинской степной думы.

Забайкальская миссія въ 1867 г. имѣла слѣдующіе станы: въ *Селенгинскомъ округѣ*: Кударинскій, Селенгинскій и Цаганусунскій съ тремя миссіонерами, однимъ сотрудникомъ и тремя послушниками. Сверхъ того, въ этомъ округѣ исполняли обязанности миссіонеровъ два посторонніе священника. *Въ Верхнеудинскомъ*: Ононскій, Иргенскій и Тунгуйскій съ тремя миссіонерами, двумя послушниками и причетникомъ. И здѣсь, какъ въ Селенгинскомъ округѣ, были со стороны два священника, исполнявшіе обязанности миссіонеровъ. *Въ Баргузинскомъ округѣ* два стана: Баргузинскій и Баунтовскій съ двумя миссіонерами и двумя послушниками. *Въ Нерчинскомъ округѣ* два стана съ двумя миссіонерами и двумя причетниками. Наконецъ, *Голоустинскій станъ въ Иркутской губерніи*, въ которомъ находился одинъ миссіонеръ съ послушникомъ. Всего въ забайкальской миссіи въ 1867 году было: одиннадцать становъ, столько же миссіонеровъ, четыре исправлявшихъ должность миссіонеровъ, одинъ сотрудникъ, восемь послушниковъ и три причетника.